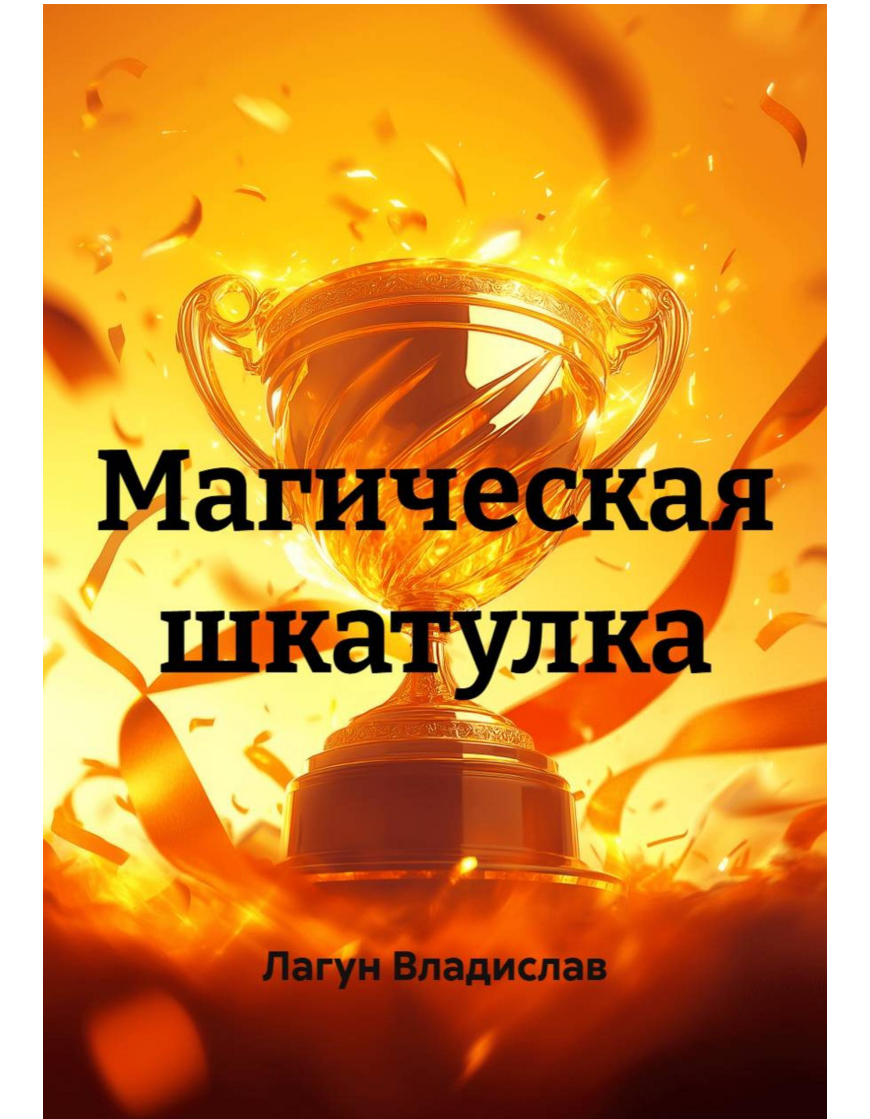

Магическая шкатулка

Лагун Владислав

Лагун Владислав

Магическая шкатулка

<https://litres.ru/74447178>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сто долларов в день. Три человека. Один экзамен.

Марк тратит — и теряет всё. Анна боится — и учится. Роберт считает — и строит империю.

Одна и та же серебряная коробка с древними символами попадает в руки трех совершенно разных людей. Джинн из снов не дарит желания — он дает шанс. И предупреждает: «Это не дар. Это зеркало».

Кто-то увидит в нем свое отражение и сломается. Кто-то — и обретет себя.

«Коробка» — это роман-притча о деньгах, страхах и свободе. Современный учебник финансовой грамотности, который читается как триллер. История, после которой вы уже не сможете смотреть на свои кредиты, траты и мечты прежними глазами.

«Я даю тебе семя. А ты ждешь плодов, не посадив дерева».

Пройдите этот экзамен вместе с героями. И, возможно, сдадите свой.

Лагун Владислав

Магическая шкатулка

Глава 1. Марк. Утро, которого не должно было быть.

Солнце пробивалось сквозь немытые стекла не лучами, а какой-то липкой, тяжелой желтизной. В комнате стоял запах вчерашнего праздника — выдохшееся пиво, картонные коробки из-под пиццы и дешевый одеколон, которым Марк щедро поливал себя перед выходом. Обои в мелкий цветочек, оставшиеся еще от бабушки, казалось, впитали этот смрад намертво.

Он лежал на кровати поверх скомканного одеяла, одна нога в кроссовке, вторая босая. В голове гудело. Где-то под лопаткой саднило чувство, похожее на стыд, но еще слабое, придавленное остатками эйфории.

Вчера была стипендия. Точнее, была она позавчера, а вчера от нее остались ровно те жалкие крохи, что звенели сейчас в кармане джинсов, брошенных на стул. Три тысячи восемьсот рублей. Остальное — разошлось щедрой рекой по приятелям в клубе «Мятный». Марк любил этот момент: когда бармен приносит коктейли, а он кидает на стойку мятые купюры, не считая. «Гуляем, пацаны! Угощаю!» В этот момент он чувствовал себя не просто студентом четвертого

курса, а человеком будущего. Экономист, который понимает, что деньги должны течь. К чему эти дурацкие таблицы и бюджетирование, о которых бубнят профессора? Мир принадлежит тем, кто живет здесь и сейчас.

Он потянулся, и суставы хрустнули. Пора вставать. В голове всплыла мысль, что через три дня — экзамен по макроэкономике, а конспекты девственно чисты. Впрочем, мысль эта была привычной и какой-то ненастоящей, как комариный писк за окном.

Марк сел на кровати и опустил глаза на пол.

И замер.

Среди разбросанных кроссовок, пустых бутылок из-под энергетика и серого ковра, покрытого пятнами, лежала она.

Коробка.

Она была маленькой — уместилась бы в ладони. Но странность ее заключалась не в размере, а в том, что она казалась... неуместной. Слишком чистой. Слишком совершенной для этого хлева.

Тусклое утреннее солнце скользнуло по ее поверхности, и Марк увидел, что коробка серебряная. Но не просто покрытая краской — казалось, металл впитал в себя лунный свет, а теперь медленно возвращает его обратно. Она слабо мерцала, и свет этот был живым, текучим.

Он нахмурился. Откуда? Друзья? Но кто из вчерашней компании мог принести такое? Даже если бы они хотели подшутить, достать коробку такой немыслимой работы бы-

ло негде. В местных киосках продавали только пластиковые чехлы для телефонов и зажигалки с пошлыми надписями.

Марк протянул руку, и едва пальцы коснулись металла, как по коже пробежал холодок. Коробка была ледяная, хотя в комнате стояла духота. Он вздрогнул и чуть не отдернул руку, но любопытство пересилило. Он осторожно поднял ее, поднес к глазам.

Поверхность была испещрена символами. Они не были нарисованы — выгравированы с ювелирной точностью прямо в металле. Извилистые линии, точки, странные треугольники, вписанные в круги... Ничего похожего на арабскую вязь, китайские иероглифы или руны. Это был язык, которого не существовало. Или существовал очень, очень давно.

Хмель мгновенно выветрился из головы. Марк ощутил, как волосы на затылке встают дыбом. Он оглядел комнату — никого. Дверь заперта на ключ, в замочной скважине торчит изнутри. Квартира на восьмом этаже, окно закрыто.

— Что за бред, — прошептал он. Голос прозвучал хрипло и глухо.

Коробка была не просто вещью. Она была присутствием. Он чувствовал ее вес, но не физический — она почти ничего не весила, — а какой-то внутренний, плотный, как предчувствие.

Марк попытался открыть крышку. Она не поддавалась. Ни зазора, ни шва, ни намек на петли. Монолит.

Он положил ее на стол и сел напротив. Сердце колотилось

где-то в горле. Снаружи донесся шум проезжающего трамвая, и этот обыденный звук вернул его на секунду к реальности. Может, это просто сувенир? Чей-то глупый розыгрыш? Но как она попала в запертую квартиру, под нос, на самое видное место?

Утро переставало быть обычным. Оно становилось... точкой отсчета.

Горячая вода хлестала по плечам, барабанила по старой пластиковой шторке с выцветшими дельфинами, но Марк почти не чувствовал тепла. В голове крутилась только она — серебряная коробочка. Он тер глаза, смывая остатки сна, а перед внутренним взором все еще стояли эти странные символы. Они будто врезались в память, хотя он не мог бы воспроизвести ни одного.

«Надо просто выкинуть ее», — подумал он, вытираясь наспех рваным полотенцем.

Но не выкинул.

Вместо этого он сел за старый ноутбук, который грузился минуты три, и принялся искать. «Серебряная коробочка с символами», «древний артефакт шкатулка», «странная находка в квартире». Поисковик услужливо подсовывал ему ссылки на форумы уфологов, статьи о масонских ларцах и интернет-магазины бижутерии. Ничего похожего. Он пролистал десяток страниц, потом еще десяток, но сеть молчала. Коробочка существовала только в его комнате и больше нигде во вселенной.

Марк откинулся на спинку стула и прищурился. В голову пришла другая мысль. Не выкинуть. Продать.

Он взял коробку в руки, повертел. Серебро? Похоже. Но металл слишком легкий, почти невесомый. Титан? Платина? Марк учился на экономиста, а не на ювелира, но одно он знал точно: вещь эксклюзивная. Если найти правильного покупателя, какого-нибудь богатого коллекционера с придурью, можно сорвать куш. Месяц-два безбедной жизни, а то и больше. Не сто долларов в день, а сразу тысяча.

Он сделал несколько снимков на телефон: общий план, крупным планом символы, боковая грань, блики на металле. Пальцы дрожали от предвкушения. Выставил лот на ближайшей онлайн-барахолке. Заголовок написал броский, в своем стиле: «Уникальная коллекционная шкатулка. Древность. Символы. Торг уместен. Срочно». Ценник поставил с потолка — пятьдесят тысяч рублей. Для студента это было целое состояние.

Он еще раз попытался открыть крышку. Нажал сильнее. Провел ногтем по граням. Ни щели, ни стыка. Монолит. Словно ее не отливали, а вырастили целиком, как кристалл. Странно. Любая шкатулка должна открываться, иначе какой в ней смысл?

Уведомлений о продаже не приходило. Будний день, люди на работе, никто не сидит в поисках сокровищ. Марк захлопнул ноутбук.

«Ну и черт с тобой, — решил он. — Полежи пока».

День покатился по привычным рельсам. Телевизор, где крутили старые комедии. Пара звонков друзьям. Встреча в кафе, где он, по обыкновению, заплатил за всех, потому что у кого-то «опять не завезли зарплату», а кто-то просто забыл кошелек. К вечеру от стипендии не осталось ни рубля. Марк возвращался домой в приподнятом настроении, коробка вылетела из головы. Мало ли странных вещей в мире. Может, завтра продаст. Может, через неделю.

Он заснул быстро, едва голова коснулась подушки. Уличный фонарь светил в окно, рисуя на стене бледный прямоугольник.

А потом пришел сон.

Это была не темнота. Это была пустота иного рода — плотная, золотистая, теплая. Марк стоял в ней, но пола под ногами не чувствовал. Вокруг не было ни стен, ни потолка, ни горизонта. Только воздух, густой, как мед, и мягкое свечение, идущее отовсюду и ниоткуда одновременно.

И голос.

— Ты пытался меня продать.

Марк вздрогнул и обернулся. Перед ним парила коробка. Та самая. Только здесь, во сне, символы на ее поверхности мягко пульсировали, как угли в остывающем костре, — то вспыхивали, то угасали.

— Кто здесь? — голос Марка прозвучал пискляво и жалко.

Коробка не ответила. Но пространство вокруг нее сгущи-

лось, и из мерцающей дымки соткалась фигура. Не человек. Силуэт. Высокий, невероятно пропорциональный, словно его рисовал художник, знающий какой-то высший канон красоты. Лица не было видно — только два огонька на месте глаз. Голос звучал не из фигуры, а сразу отовсюду, вибрируя внутри черепной коробки.

— Я тот, кто приходит вместе с коробкой. Можешь звать меня Джинном. Хотя это слово неточное. В вашем языке вообще мало точных слов.

Марк сглотнул.

— Чего? Джинн? Типа... желания?

Силуэт покачал головой — если это можно было назвать головой.

— Никаких трех желаний, Марк. Их придумали сказочники, чтобы людям было легче засыпать. Реальность сложнее и... — он сделал паузу, — интереснее.

Коробка в воздухе чуть повернулась, и символы на миг сложились в узор, похожий на глаз.

— Ты нашел коробку, — продолжил голос. — Или она нашла тебя. Это неважно. Важно то, что она у тебя есть. Она будет приносить тебе деньги. Каждое утро, когда ты проснешься, в ней будет лежать ровно сто долларов. Не больше и не меньше.

Марк почувствовал, как во сне его сердце пропустило удар. Сто долларов. Каждый день.

— И что я должен сделать? — спросил он севшим голо-

сом. — Душу продать? Подписать что-то кровью?

— Ничего. Абсолютно ничего.

Джинн слегка склонил голову набок, и Марку показалось, что в глубине золотистой пустоты мелькнула улыбка.

— В этом и заключается экзамен.

Свечение стало ярче. Фигура начала рассеиваться, но голос еще звучал — тише, дальше, словно уходя в глубину длинного коридора.

— Это не дар, Марк. Это зеркало. Коробка покажет тебе, кто ты есть на самом деле. Просто не трать все сразу. Хотя... ты, конечно, потратишь.

— Подожди! — крикнул Марк в пустоту. — А зачем мне это? Почему я?

Но пространство уже сворачивалось, гасло, как экран старого телевизора. Последнее, что он услышал, было едва различимым шепотом:

— Проснись и проверь.

Марк открыл глаза. Сердце колотилось. В окно заливался солнечный свет — он проспал почти до полудня. На столе, среди пустых банок из-под энергетика, лежала серебряная коробка.

Она была открыта.

Крышка, которую он безуспешно пытался поддеть вчера, теперь лежала рядом. А внутри...

Внутри лежала новенькая, хрустящая купюра в сто долларов. С портретом Бенджамина Франклина, глядящего стро-

го и немного насмешливо.

Марк долго смотрел на нее не моргая. Потом перевел взгляд на коробку. Потом снова на купюру.

— Охренеть, — выдохнул он.

И это было, пожалуй, самое точное экономическое заключение за все четыре года его учебы.

Глава 2. Анна. День первый.

Будильник прозвенел в шесть тридцать, и Анна открыла глаза раньше, чем мелодия успела добраться до припева. Эта привычка выработалась за пять лет — просыпаться за секунду до звонка, чтобы успеть выключить его и не разбудить Мишу. Миша спал в своей кроватке у окна, раскинув руки и ноги в разные стороны, как морская звезда, и во сне казался совсем младенцем, хотя в прошлом месяце ему исполнилось пять.

Анна села на кровати и потерла лицо ладонями. Выходные закончились, наступил понедельник, и вместе с ним вернулась обычная жизнь: садик, работа, пробки, усталость, микроволновка, сказка на ночь, падать в кровать, просыпаться, снова садик. Бесконечная карусель, которую она крутила одна, без чьей-либо помощи. Нет, помощь предлагали: мама звонила из области и советовала вернуться, подруга Лера предлагала познакомиться с «хорошим парнем», коллега на работе иногда подкидывала детские вещи от своих вырос-

ших близнецов. Но по-настоящему, каждый день, каждый час — она была одна. Она и Миша.

Вчерашний разговор с бывшим мужем до сих пор саднил где-то под ребрами. Она позвонила ему не ради себя — ради Миши. Алиментов не было уже третий месяц. Сначала Сергей обещал «на следующей неделе», потом у него «сложности на работе», потом он просто перестал брать трубки. Вчера она все-таки дозвонилась. Он ответил — и лучше бы не отвечал.

«У меня новая семья, Ань. Ты понимаешь? Жена в декрете. Я не могу разорваться».

«А Миша? — спросила она тогда. — Миша — не семья?»

В трубке повисла пауза, а потом Сергей выдал фразу, которая звенела в ушах до самой ночи: «Ты хотела быть самостоятельной — будь. Не я же решал рожать. Ты сама».

Сама. Она сама.

Анна сжала зубы и заставила себя подняться. На кухне что-то брякнуло — это кот Васька запрыгнул на подоконник и задел цветочный горшок. Она вышла в коридор, поправила сбитый половичок и на секунду задержалась у зеркала в прихожей. Из отражения смотрела молодая женщина с тенями под глазами и светлыми волосами, собранными в небрежный пучок. Двадцать семь лет. В этом возрасте ее мать уже была замужем, растила двух детей и не знала, что такое слово «ипотека». У Анны не было ни мужа (спасибо, Сергей, что ушел так «вовремя», когда Мише был год), ни ипотеки

(банки не давали кредит с ее официальной зарплатой), ни уверенности в завтрашнем дне. Только съемная однушка в спальном районе, старенький автомобиль, который дышал на ладан, и сын, ради которого она была готова свернуть горы.

— Мам!

Миша уже проснулся и сидел на кровати, протирая глаза кулачками. Его светлые волосы торчали во все стороны, и это было так смешно и трогательно, что Анна на секунду забыла о вчерашнем разговоре.

— Доброе утро, солнышко. Что тебе снилось?

— Дракон.

— Страшный?

— Не-а. Он катал меня на спине.

Пока Анна готовила кашу, Миша возился в коридоре. Она слышала, как он что-то бормочет под нос, перебирая игрушки в коробке. Потом бормотание стихло, и раздалось удивленное «Ого!».

— Мам, смотри что у меня!

Она обернулась, машинально ожидая увидеть очередного пластикового динозавра, которых в доме развелось немеренно. Но в руках Миша держал совсем другую вещь.

Маленькая коробочка. Размером с детскую ладошку. Она была серебряной — или, может, просто блестящей? — и по всей ее поверхности шли странные символы, не похожие ни на буквы, ни на рисунки. Они извивались, как змейки, переплетались друг с другом, уходили вглубь металла и сно-

ва возвращались на поверхность. В утреннем свете коробка слабо мерцала, словно внутри горела крошечная лампочка.

— Откуда это? — Анна вытерла руки о полотенце и подошла ближе. — Ты где это взял?

— Она там была! — Миша махнул рукой в сторону прихожей. — Просто лежала. Я думал, это игрушка. Но она не открывается.

Анна взяла коробку из рук сына. Металл оказался неожиданно холодным — даже слишком холодным для предмета, который лежал в теплой квартире. Она повертела находку в пальцах. Символы не были нарисованы — они были выгравированы с ювелирной точностью, словно по серебру прошли лазером. Или не лазером. В них чувствовалось что-то ручное, древнее, не-машинное.

«Что за черт», — подумала она, но вслух не сказала.

— Может, это из садика? — спросила Анна. — Ты мог принести в рюкзаке?

— Не-а, — Миша замотал головой. — Она просто лежала на полу.

На полу. В коридоре, где вчера вечером она мыла пол. Где точно ничего не было.

Анна снова осмотрела коробку. Крышка сидела плотно, без малейшего зазора, словно коробка была выточена из цельного куска металла. Она попыталась поддеть ее ногтем — безуспешно. Потрясла — внутри что-то глухо стукнуло. Звук был мягкий, не металлический. Скорее, как если бы

там лежала бумага.

— Красивая, правда? — Миша заглядывал ей в лицо, ожидая оценки. — Она волшебная?

— Не знаю, — честно ответила Анна. — Вряд ли.

Но пальцы, сжимавшие коробку, почему-то не хотели ее отпускать. Металл постепенно теплел в ладони, и Анна могла поклясться, что символы на поверхности на секунду вспыхнули ярче, когда она провела по ним большим пальцем.

Иллюзия. Игра света.

Она решительно положила коробку на полку в прихожей.

— Все, Миша, давай завтракать. И зубы чистить. У нас десять минут до выхода.

День пролетел как обычно. Садик, работа, вечерние пробки, ужин, купание, сказка. Анна была оператором колл-центра в страховой компании — работа не пыльная, но выматывающая: восемь часов слушать чужие жалобы, объяснять очевидные вещи, получать порции негатива от людей, которые не читали свои договоры. Зарплата — тридцать пять тысяч плюс премия, если выполнишь план по продажам. Премию она получала редко: не умела впаривать людям то, что им не нужно.

После работы она заехала в банк — пыталась выяснить, можно ли реструктуризировать старый кредит, который она брала три года назад на ремонт машины. Девушка в окошке вежливо улыбнулась и сказала, что для реструктуризации нужен подтвержденный доход, а с ее «серой» частью зарпла-

ты это вряд ли получится. Анна кивнула и вышла. Она уже привыкла к таким ответам.

Коробку она заметила снова только вечером, когда укладывала Мишу спать. Мальчик уже засыпал, обняв плюшевого медведя, а Анна сидела рядом и перебирала в голове цифры. Аренда — пятнадцать тысяч. Садик — три. Кредит — четыре. Еда — десять, если экономить. Бензин — две. Итого — тридцать четыре. От зарплаты оставалась тысяча на все остальное. Алиментов нет. Помощи ждать неоткуда.

И тут она снова посмотрела на полку в прихожей. Коробка стояла на том же месте, но теперь от нее исходило едва заметное свечение — бледно-голубоватое, как свет далекой звезды. Анна замерла. Она точно помнила, что днем, при солнечном свете, никакого свечения не было. Может, это блики от уличного фонаря за окном?

Она встала, подошла к полке и взяла коробку в руки. На этот раз металл был теплым — почти горячим. И символы точно светились. Их рисунок пульсировал в такт чему-то, и Анна вдруг поняла, что это «что-то» — ее собственное сердцебиение.

— Мам, ты чего? — сонный голос Миши из комнаты.

— Ничего, спи, — ответила она и сама удивилась, как спокойно прозвучал ее голос.

Она отнесла коробку на кухню и положила на стол. Села напротив. Долго смотрела на символы, пока глаза не начали слезиться от напряжения. В голове не было мыслей — только

странное, давно забытое чувство. Так бывает, когда ждешь важного письма и еще не знаешь, хорошие в нем новости или плохие, но уже понимаешь: что-то изменится.

Анна не верила в чудеса. Она верила в цифры, графики выплат и расчетные листки. Но сейчас, глядя на эту коробку, она чувствовала, что вера в цифры ей здесь не поможет. Здесь требовалось что-то другое.

Она поднялась, выключила свет и пошла спать. Завтра снова на работу. Снова пробки. Снова попытки дозвониться до Сергея. Но перед тем как лечь, она еще раз взглянула на кухонный стол. Коробка лежала там, и символы на ее поверхности медленно угасали, словно засыпали вместе с домом.

А утром, когда Анна проснулась от звонка будильника, она обнаружила коробку на тумбочке у кровати. Хотя точно помнила, что оставила ее на кухне. Крышка была открыта. Внутри лежала новенькая стодолларовая купюра с портретом незнакомого лысоватого мужчины. И записка.

Всего три слова, написанных от руки, но не чернилами — буквы светились тем же бледно-голубым светом, что и символы.

«Это не подарок».

Она перевернула бумажку. На обороте было еще одно слово: «Экзамен».

Анна застыла с купюрой в руке. Пальцы, привыкшие к монотонным движениям — разложить бумаги, напечатать отчет, поправить одеяло сыну, — теперь ощупывали чужерод-

ный предмет. Сто долларов. Она видела доллары раньше, но давно. Еще в студенчестве, когда они с Сергеем ездили в Турцию и меняли рубли на валюту в обменнике аэропорта. Та купюра была совсем другой, кажется, двадцатка или пятьдесят. Но эту сотню с портретом лысого мужчины в старинном камзоле она помнила смутно, где-то на периферии памяти.

— Мам, ты чего? — Миша уже стоял рядом в пижаме и с любопытством заглядывал ей в лицо. — Это деньги? Настоящие?

Вопрос заставил ее очнуться. Она быстро сунула купюру в карман домашнего халата и заставила себя улыбнуться.

— Не знаю, зайчик. Наверное, нет. Давай завтракать.

Но пока она наливала молоко в тарелку с хлопьями, мысль работала в другом направлении. Игрушечные деньги. Ну конечно. Месяц назад Миша попросил в киоске набор «Юный банкир» — пластиковые карточки, бумажные евро и доллары, все как настоящее, только с мультяшными рисунками. Она тогда купила ему этот набор за триста рублей, и он целую неделю играл в магазин, раскладывая игрушечные купюры по коробочкам. Может быть, он нашел одну из них и положил в эту странную шкатулку?

Она снова вытащила купюру и поднесла к свету. Бумага была плотной, чуть шершавой на ощупь. Водяной знак — тот самый лысый мужчина — проступал на просвет, и рядом с ним тонкая защитная нить. Краски не размазывались под

пальцами, уголки были остро обрезаны, серийный номер — четкий, зеленый, ничуть не похожий на игрушечную печать.

Сомнение кольнуло под ложечкой. Нет, это не могло быть игрушкой. Но и настоящими деньгами — тем более. Доллары не появляются в закрытых коробках посреди ночи. Это абсурд.

— Кто-то подшутил, — пробормотала она, убирая купюру в ящик стола. — Точно. Лера? Нет, Лера не стала бы тратить сто долларов на розыгрыш. Может, Сергей? Зачем ему?

Вариантов не было. В ее жизни не существовало людей, которые могли бы запросто выложить сто долларов ради шутки. Тем более — положить их в серебряную коробку, пробраться в квартиру, подговорить пятилетнего ребенка...

Она резко обернулась к Мише. Тот безмятежно уплетал хлопья и болтал ногами под столом.

— Миш, скажи честно. Ты знаешь, откуда взялась эта коробочка?

— Не-а. Я же сказал: она просто лежала.

— Может, кто-то из взрослых тебе ее дал? В садике? Или на улице?

— Никто не давал. — Он посмотрел на нее чистыми голубыми глазами и даже перестал жевать. — Честно-честно.

Анна верила сыну. Он не умел врать — по крайней мере, пока. В пять лет ложь еще слишком неуклюжа и быстро рассыпается под парой уточняющих вопросов. А здесь ни тени смущения, ни отведенных глаз. Он действительно просто на-

шел коробку.

План дня, спасительный и привычный, вытянул ее из круговорота мыслей. Она решила пока ничего не предпринимать. Вечером она проверит купюру еще раз. А пока — умыться, одеваться, отвести Мишу в садик, успеть на работу к девяти. Жизнь не останавливается ради странных находок. Жизнь вообще редко останавливается ради чего бы то ни было.

Она убрала коробку в верхний ящик комода, подальше от детских глаз, и захлопнула дверцу. Но весь день, пока она отвечала на звонки в колл-центре («Страховая компания "Гарант", Анна слушает, чем могу помочь?»), мысль о купюре сидела где-то на задворках сознания, как заноза, которую невозможно вытащить пальцами.

В обеденный перерыв она не выдержала.

Ближайшее отделение банка находилось в пяти минутах ходьбы от офиса. Анна зашла внутрь, стараясь выглядеть уверенно, хотя в груди трепетало странное волнение. Она встала в очередь к окошку обмена валют и протянула купюру кассиру — женщине средних лет с усталыми глазами и идеальным маникюром.

— Скажите, это настоящая?

Кассир взяла банкноту, мельком глянула на свет, провела пальцем по рельефной печати, потом пропустила через аппарат с ультрафиолетом. Аппарат пискнул и загорелся зеленым.

— Настоящая, — сказала кассир, возвращая купюру. — Сто долларов США.

Будете менять? Курс сегодня хороший.

— Нет, спасибо, — Анна почти выхватила купюру из ее рук. — Просто проверяла.

Она вышла из банка и остановилась на крыльце. Солнце светило ярко, по-весеннему, лужи под ногами отражали голубое небо. В руке у нее были сто долларов. Настоящих. Свалившихся ниоткуда. В голове что-то щелкнуло, как будто переключился невидимый тумблер. Она не знала, хорошо это или плохо. Но прежняя жизнь — с четким расписанием, просчитанным бюджетом и понятными правилами — только что дала трещину.

Вечером она ничего не сказала Мише. Они поужинали, почитали сказку про Кота в сапогах, и мальчик уснул, прижимая к щеке плюшевого зайца. Анна посидела еще немного у его кровати, глядя на спокойное детское лицо, потом выключила свет и прошла на кухню.

Коробка стояла на столе. Анна села напротив, положила перед собой купюру и принялась ждать. Она решила: до завтрашнего утра она ничего не будет делать. Если завтра в коробке снова окажется сто долларов — тогда она начнет думать. А пока — наблюдать.

Спать она легла поздно, долго ворочалась, прислушиваясь к звукам ночной квартиры. Где-то за стеной гудел холодильник. В трубах постукивала вода. Кот Васька мягко спрыгнул

с подоконника и ушел в темноту коридора. Обычные звуки. Обычная ночь. Ничего необычного.

А потом пришел сон.

Анна стояла в огромном пустом зале, стены которого были сделаны из серебра. Нет, не просто серебра — из того же странного металла, что и коробка. Стены мерцали, переливались, и по ним пробегали символы — тысячи, миллионы символов, сплетающихся в замысловатые узоры. Пол под ногами был гладким, как лед, и отражал ее босые ступни. Она чувствовала холод, но холод этот был не страшным, а скорее освежающим, как утренний воздух после грозы.

В центре зала парила коробка. Та самая. Только огромная, выше человеческого роста, и символы на ее поверхности пульсировали мягким голубым светом. Анна не могла отвести от нее взгляд. В этом свете было что-то гипнотическое, что-то зовущее и пугающее одновременно.

— Ты пришла.

Голос прозвучал отовсюду сразу. Он не был мужским или женским — он был просто звуком, чистым и глубоким, как вибрация колокола после удара. Анна вздрогнула и обернулась, но никого не увидела.

— Кто здесь?

— Тот, кто приходит с коробкой. Можешь звать меня Джинном, если тебе так удобнее. Хотя это слово неточное.

Из воздуха перед ней соткалась фигура. Высокая, бесплотная, сотканная из дыма и света. Лица не было видно, но

Анна чувствовала на себе взгляд — спокойный, изучающий, но не враждебный.

— Что это? — Анна указала на коробку. — Что все это значит?

— Это значит, что коробка выбрала тебя, — ответил Джинн. — Каждое утро, когда ты будешь просыпаться, она будет давать тебе сто долларов. Не больше и не меньше. Без условий. Без сроков. Без платы.

Анна молчала. Мысли метались в голове, как вспугнутые птицы. Сто долларов в день. Три тысячи в месяц. Около трехсот тысяч рублей — сумма, которая в три раза превышала ее годовой доход. От одной мысли об этом кружилась голова.

— Почему я? — спросила она наконец.

— Это не важно, — Джинн покачал головой — или тем, что заменяло ему голову. — Важно другое. Коробка — это не дар. Это зеркало. Она покажет тебе, кто ты есть на самом деле. Твои страхи. Твои желания. Твои границы.

— Я не понимаю...

— Поймешь. Рано или поздно — поймешь.

Джинн начал таять в воздухе, но прежде чем исчезнуть совсем, произнес еще одну фразу — тихо, почти шепотом:

— Деньги не меняют человека. Они проявляют его. Как проявитель фотографию. Помни об этом.

Анна проснулась от звонка будильника и резко села в постели. Сердце колотилось. За окном занимался серый рас-

свет. В комнате было тихо, только слышалось ровное дыхание Миши за тонкой стенкой.

Она посмотрела на комод. Верхний ящик был слегка приоткрыт, хотя она точно помнила, что закрывала его вчера вечером.

Анна встала, подошла и открыла ящик. Коробка стояла на месте. Крышка была открыта. Внутри лежала новая столондаровая купюра — свежая, хрустящая, словно только что изпод печатного пресса.

Рядом, как и вчера, белела записка, и на ней тем же светящимся почерком было выведено всего одно слово:

«Продолжай».

Глава 3. Роберт. День первый.

Роберт не верил в случайности. Он верил в статистику, кредитные рейтинги и диверсификацию рисков. Его жизнь была выстроена, как хороший инвестиционный портфель: надежный фундамент из государственных облигаций, умеренная доля акций, немного валюты на случай девальвации и обязательная подушка ликвидности на шесть месяцев вперед. В свои тридцать пять он достиг того, что принято называть стабильностью: работа в коммерческом банке, должность ведущего специалиста по корпоративным рискам, ипотека за городом, где ставка зафиксирована на весь срок, и семья — жена Марина и двое детей, погодки только по пас-

порту, а по факту — одиннадцатилетний подросток Артем и годовалый Егор, который еще не ходил, но уже умел добираться до самых опасных предметов в доме со скоростью курьерского поезда.

Утро того дня началось как обычно — с плача Егора в половине шестого утра. Марина, его жена, встала первой, потому что у нее была ночная смена с младенцем, и Роберт, услышав сквозь сон ее шаги, позволил себе еще пятнадцать минут забытья. В шесть он поднялся, умылся, проверил котировки на смартфоне (индекс Мосбиржи просел на полпроцента, ничего критичного) и спустился на кухню варить кофе.

Дом еще спал — вернее, делал вид, что спит. Артем дрых в своей комнате, обняв подушку и накрывшись с головой одеялом. Егор, накормленный и переодетый, тихо гулил в манеже, перебирая погремушки. Марина, с темными кругами под глазами, но при этом улыбающаяся, наливала себе чай.

— Ты сегодня в офис? — спросила она.

— Да, к девяти. Совещание по новым нормативам. Если опоздаю — Круглов съест.

— Тогда иди, не задерживайся. Я сегодня с Артемом к стоматологу в три. Заберешь Егора из сада? Того, который развивающий, а не обычный.

— Заберу.

Разговор был будничным, почти механическим — так об-

щаются люди, которые десять лет в браке и научились понимать друг друга с полуслова. Роберт допил кофе, поцеловал жену в макушку, потрепал Егора по пухлой щеке и вышел из дома.

Вот тут-то все и случилось.

На пороге, прямо у входной двери, лежала коробка.

Сначала он ее не заметил — споткнулся, чертыхнулся, подумал, что это Артем бросил очередную свою безделушку. Но, нагнувшись, чтобы поднять предмет и зашвырнуть в дом, Роберт замер.

Коробка была маленькой, размером с ладонь. И она была серебряной — но не той дешевой крашеной пластмассой, из которой делают бижутерию. Нет, это было похоже на старое, потемневшее от времени серебро, какое он видел однажды в антикварной лавке, куда они с Мариной заходили ради интереса. По всей поверхности вились символы — не буквы, не иероглифы, не руны. Они переплетались, уходили вглубь металла, образовывали узлы и снова расходились лучами. В утреннем свете они едва заметно мерцали, словно внутри металла тек жидкий свет.

Роберт присел на корточки. Его аналитический ум, привыкший раскладывать все по полочкам, немедленно принялся за работу. Итак: предмет неизвестного происхождения. Материал — предположительно серебро или сплав. Гравировка — не фабричная, слишком тонкая для лазера и слишком ровная для ручной работы. Возраст — не определить на

глаз. Откуда? Кто положил? Почему у его двери?

Соседи? Маловероятно. Слева жила пожилая пара, справа — молодой айтишник, который даже не здоровался. Дети? Артем вряд ли — он в последнее время интересовался только компьютерными играми. Доставка? Но они ничего не заказывали, а курьеры не оставляют посылки на голом пороге.

— Пап, ты чего?

Артем, заспанный и взъерошенный, стоял в дверях в пижаме с покемонами.

— Вот, — Роберт кивнул на коробку. — Не знаешь, откуда?

Артем подошел, зевнул, глянул равнодушно.

— Не-а. Красивая. Может, мама заказала?

— Спроси у нее.

Марина, вышедшая на шум, тоже покачала головой. Коробку она видела впервые.

— Может, это из твоих банковских сувениров? — предположила она. — У вас же вечно какие-то подарочные наборы.

— У нас подарочные наборы — это ручки с логотипом и ежедневники. А это... — Роберт поднял коробку на уровень глаз, — это что-то совсем другое.

Он повертел находку в пальцах.

Металл был холодным, почти ледяным, хотя утреннее солнце уже успело нагреть крыльцо. Крышка сидела плотно, без малейшего зазора — будто коробка была монолитной.

Он попытался открыть, но не смог. Ни шва, ни петли, ни кнопки.

— Ладно, — сказал он наконец, убирая коробку в карман пиджака. — Вечером разберусь. Опаздываю.

Офис встретил его привычным гулом. Роберт провел совещание, проверил пару кредитных заявок, выпил еще кофе. Но мысль о коробке не отпускала. Она сидела где-то на задворках сознания, как нерешенная задача. Его мозг, натренированный годами работы с рисками, не любил необъяснимых переменных. А эта коробка была сплошной переменной — без вводных, без логики, без классификации.

В обеденный перерыв он достал ее и положил на стол. Достал лупу из ящика — старую, еще отцовскую, которую таскал с собой по привычке. Принялся изучать символы.

Они не были похожи ни на что из того, что он знал. Роберт неплохо разбирался в истории — в юности увлекался древними цивилизациями, читал про Шумер и Аккад, знал, как выглядит клинопись. Здесь было другое. Линии текли, как вода, переплетались, как корни дерева, и в их рисунке чувствовалась система. Не хаос — именно система. Язык. Или код.

— Что это у тебя? — коллега Андрей, проходя мимо, заглянул через плечо. — Амулет купил?

— Типа того, — ответил Роберт, убирая коробку. — Сувенир.

— Странный сувенир.

— Да, — согласился он. — Очень странный.

Дома вечером он снова попытался открыть коробку. Безуспешно. Артем предложил разбить молотком — «ну пап, это же просто железяка», — но Роберт почему-то не мог. Было в этом предмете что-то, что останавливало руку. Не страх — скорее предчувствие. Такое же чувство он испытывал перед важной сделкой, когда цифры вроде бы сходятся, но интуиция шепчет: «Проверь еще раз».

Он оставил коробку на прикроватной тумбочке и лег спать. Марина уже уснула, утомленная днем с двумя детьми. Егор просыпался дважды за ночь — сначала в час, потом в четыре. Роберт по очереди вставал к нему, менял подгузник, укачивал. В промежутках между этими родительскими вахтами он спал тяжелым, глубоким сном без сновидений.

А под утро, когда за окном только-только начало сереть, коробка на тумбочке тихо шелкнула и открылась сама.

Роберт проснулся мгновенно — сработала многолетняя привычка просыпаться от любого незнакомого звука. Он сел на кровати и посмотрел на тумбочку. Крышка коробки, которую он безуспешно пытался поддеть весь вчерашний вечер, теперь лежала отдельно. А внутри, в бархатном углублении, покоилась новенькая, хрустящая стодолларовая купюра с портретом Бенджамина Франклина.

Роберт замер. Потом медленно, очень медленно взял купюру в руки. Проверил на свет — водяной знак на месте, защитная нить на месте, микроперфорация на месте. Настоя-

щая.

Он перевел взгляд на коробку. Символы на ее поверхности слабо мерцали, словно подмигивая ему в утренних сумерках.

— Марина, — позвал он тихо. — Проснись. Кажется, у нас проблема.

Или возможность. Этого Роберт пока не знал. Но его внутренний риск-менеджер уже включился на полную мощность, просчитывая варианты, вероятности и сценарии. Ни один из них не укладывался в привычную картину мира.

Роберт сидел на краю кровати и смотрел на купюру. Сто долларов. Новенькая, хрустящая, с идеально ровными углами. Он поднес ее к свету настольной лампы — водяной знак на месте, защитная нить светится, микроперфорация ровная. Настоящая.

Марина стояла рядом, кутаясь в халат, и молчала. Она знала этот взгляд мужа — взгляд человека, который просчитывает варианты.

— Давай по порядку, — сказал Роберт, и голос его прозвучал буднично, словно он обсуждал не магическое появление денег из запертой шкатулки, а квартальный отчет. — Гипотеза первая: розыгрыш. Кто-то из знакомых подбросил коробку и теперь ждет нашей реакции. Маловероятно, но проверим.

Он прошелся по комнате, по привычке заложив руки за спину.

— Гипотеза вторая: я сам купил эту коробку и забыл. Стресс, недосып, усталость. Исключено. Я бы запомнил.

— Гипотеза третья, — подала голос Марина, — магия.

Роберт остановился и посмотрел на жену. Она не улыбалась.

— Магия, — повторил он, пробуя слово на вкус. — Вероятность стремится к нулю, но не равна нулю, потому что других объяснений у меня пока нет. Поэтому действуем так: купюру я сегодня проверю в банке. Не в нашем — в стороннем, чтобы не порождать лишних вопросов. Если фальшивая — вопрос закрыт, коробку выбрасываем. Если настоящая — ждем завтрашнего утра.

— А если завтра там снова будет сто долларов? — спросила Марина.

— Тогда мы имеем дело с аномалией, которую нужно изучать, а не бояться.

Он говорил спокойно, но внутри все гудело. Роберт пятнадцать лет работал с рисками — кредитными, валютными, операционными, — и ни один учебник, ни одна модель не описывала ситуацию, когда из закрытой серебряной коробки появляются наличные доллары. Это был X-фактор, «черный лебедь», событие с исчезающе малой вероятностью и колоссальными последствиями.

В обеденный перерыв он доехал до отделения банка на другом конце города — не своего, где его знали в лицо, а случайного, из числа крупных федеральных. Подошел к окошку

обмена валют и протянул купюру.

— Проверьте, пожалуйста. Хочу убедиться, что не фальшивая.

Кассир, молодая девушка с короткой стрижкой, взяла банкноту, провела через детектор, посмотрела на ультрафиолет. Аппарат пискнул зеленым.

— Настоящая, — сказала она равнодушно. — Менять будете?

— Нет, спасибо. Просто проверка.

Он вышел из банка и остановился на крыльце. Настоящая. Факт зафиксирован. Теперь оставалось ждать завтрашнего утра.

Весь оставшийся день он провел в офисе, но мысли его то и дело возвращались к коробке. Он поймал себя на том, что в третий раз перечитывает один и тот же абзац в кредитном договоре, а потом и вовсе закрыл папку и уставился в окно. Если купюра настоящая и если она не одна — это меняло все. Не в смысле «ура, мы богаты», а в смысле фундаментальных основ его картины мира. Роберт жил в мире, где действовали законы физики и экономики, где доходы всегда имеют источник, а активы — происхождение. Теперь в этом мире появилась трещина. Или дверь.

Дома он ничего не сказал детям. Артему было одиннадцать — возраст, когда любая тайна становится валютой для обмена с друзьями. Егору был год, и он интересовался только содержимым кухонных шкафов. Марине он коротко со-

общил: купюра настоящая, ждем завтра. Она кивнула и не стала расспрашивать — за десять лет брака она привыкла к его манере обрабатывать информацию молча и размеренно.

Ночь прошла тревожно. Егор просыпался дважды, и оба раза Роберт вставал к нему сам — Марине нужен был отдых. В промежутках он лежал без сна и смотрел в потолок, на котором уличный фонарь рисовал бледные прямоугольники. Коробка стояла на тумбочке, закрытая, молчаливая, и от этого еще более загадочная.

А под утро пришел сон.

Роберт стоял посреди огромного зала, напоминающего одновременно библиотеку и банковское хранилище. Вдоль стен тянулись бесконечные стеллажи с папками и ячейками, а в центре возвышался массивный стол из темного дерева. На столе лежала коробка — та самая, только крупнее, и ее символы светились мягким золотистым светом, пульсируя, как сердце.

Из-за стеллажей вышел человек.

Вернее, фигура, похожая на человека, но слишком высокая, слишком пропорциональная, словно ее создавал архитектор, одержимый идеальными формами. Лица не было — только два спокойных огонька на месте глаз.

— Кто вы? — спросил Роберт, и голос его во сне прозвучал ровно, без страха.

— Тот, кто приходит с коробкой, — ответила фигура. Голос был глубоким и обволакивающим, как звук виолончели.

— Называй меня Джинном, если тебе нужно имя.

— Джинн, — Роберт попробовал слово. — Как в сказках?

— Сказки — это тени истины. Того, что вы называете магией, не существует. Существуют законы, которых вы пока не понимаете. Коробка — один из инструментов этих законов.

— Что она делает?

— Она дает деньги. Сто долларов в день. Каждое утро, пока ты проходишь проверку.

— Проверку? — Роберт прищурился. — Какого рода?

Джинн сделал шаг вперед, и пространство вокруг них изменилось. Стеллажи исчезли, уступив место прозрачным экранам, на которых плыли цифры — бесконечные потоки данных, графики, диаграммы, курсы валют.

— Ты работаешь с рисками, Роберт. Ты знаешь: любой инструмент в неумелых руках опасен. Нож может убить или исцелить. Огонь — согреть или сжечь. Деньги — освободить или поработить. Коробка — это тест. Не на жадность. Не на щедрость. На способность управлять ресурсом, который не заработан.

— И что мне нужно делать?

— То, что ты уже делаешь, — Джинн слегка склонил голову. — Наблюдать. Анализировать. Ждать. Ты не потратил первую купюру импульсивно. Ты не испугался и не выбросил коробку. Ты начал с проверки фактов. Это правильный путь.

Роберт помолчал, переваривая услышанное.

— Что будет, если я пройду? И что будет, если провалю?

— Если пройдешь — получишь то, что не измеряется деньгами. Понимание. Свободу. Если провалишь — коробка исчезнет. И с ней — возможность, которую ты мог реализовать.

— Какая возможность?

— Новая ступень, — ответил Джинн. — Ты стоишь на пороге. Коробка — это ключ. Но дверь открываешь ты сам. Не магия создает богатство, Роберт. Магия создает шанс. Богатство создаешь ты.

Цифры на экранах вокруг них начали гаснуть, сворачиваться в спирали и исчезать. Зал погружался в мягкую темноту.

— Подожди, — сказал Роберт. — У меня еще сотня вопросов.

— У тебя будет время задать их, — голос Джинна уже доносился откуда-то издалека. — А пока просто запомни: сто долларов — это не богатство. Это семя. И то, что из него вырастет, зависит только от тебя.

Роберт проснулся от плача Егора. Утреннее солнце заливало спальню. Марина уже встала и гремела кастрюлями на кухне. На тумбочке стояла коробка, и ее крышка была открыта.

Внутри лежала новая сотня долларов. Такая же новенькая, как вчерашняя.

Роберт взял купюру и долго смотрел на нее. Потом достал

из ящика стола блокнот в кожаном переплете — тот самый, куда он записывал важные финансовые решения и идеи, — и открыл новую страницу. Сверху он вывел аккуратным почерком: «Проект "Коробка". День первый. Поступление: 100 долларов. Статус: наблюдение».

Ниже он добавил три вопроса:

1. Каков механизм появления денег?
2. Есть ли лимит по времени?
3. Как использовать ресурс с максимальной эффективностью?

Захлопнув блокнот, он встал и пошел на кухню. Марина варила кашу, Егор гулил в стульчике, размазывая по столу банановое пюре. Артем собирал рюкзак в школу, попутно ругаясь с кем-то в чате. Обычное утро. Обычная семья.

Но теперь у них был новый актив. И Роберт, как профессиональный управляющий рисками, намеревался использовать его с умом.

Глава 4. Марк. Иллюзия богатства.

Первая неделя прошла как в тумане. Точнее, как в дорогом, сладко пахнущем кальянном дыму.

Наутро после разговора с Джинном Марк проснулся с одной-единственной мыслью: «Проверить». Он осторожно, почти благоговейно заглянул в коробку. Купюра лежала на месте. Новая, хрустящая, с тем же невозмутимым Франклином.

Вчерашняя сотня уже лежала в кошельке. Сегодняшняя — грела пальцы.

Экзамен по макроэкономике был назначен на десять утра. В половине десятого Марк сидел на кухне в одних трусах, пил растворимый кофе и смотрел на коробку. Мысль о том, чтобы ехать в универ, трястись в душном автобусе, отвечать на дурацкие вопросы про инфляцию и денежные агрегаты, казалась ему сейчас почти оскорбительной. Зачем? Зачем корпеть над учебниками, зубрить формулы, чтобы потом... что? Устроиться в офис за сорок тысяч рублей? Носить кофе начальнику?

Его пальцы погладили серебряную поверхность коробки. Она была теплой.

— Три тысячи долларов в месяц, — прошептал он вслух, пробуя эти слова на вкус. — Это же... это почти триста тысяч рублей.

Цифра опьяняла. Она была больше, чем зарплата его отца, больше, чем доход любого из его знакомых. И эта цифра капала ему каждый божий день, просто за то, что он просыпался. Ради этого не нужно учиться. Не нужно унижаться. Не нужно ничего.

Телефон завибрировал. Одногоруппник Костя писал в чат: «Ты где? Препад злой как черт, ведомость уже на столе». Марк посмотрел на сообщение секунду. Потом на коробку. Потом перевернул телефон экраном вниз.

— Да пошли вы все, — сказал он пустой квартире и впер-

вые за долгое время почувствовал себя по-настоящему свободным.

К вечеру он наверстывал упущенное. Если уж праздновать новую жизнь, то с размахом. Он снял наличные в ближайшем банкомате, благо обменник дал курс почти как в интернете, и отправился в торговый центр. Настоящий, не тот дешевый «Максидом» на окраине, а центральный, с колоннами и стеклянным потолком, где пахнет кожей и парфюмом, а консультанты смотрят на тебя оценивающе: достоин ли ты здесь находиться?

Сегодня он был достоин.

Первыми были кроссовки. Не просто кроссовки — произведение искусства. Белая кожа, красная подошва, лимитированная серия. Такие он видел только в инстаграме у каких-то московских мажоров. Продавец, молодой парень с идеальной стрижкой, сначала скользнул по нему скептическим взглядом, но когда Марк небрежно выложил пачку купюр на кассу, его лицо изменилось волшебным образом. Появилась услужливость, почтительность. Это было приятно. Это было чертовски приятно.

— Желаете что-то еще? — спросил продавец.

— Желаю, — Марк обвел глазами зал. — Часы. Вон те.

Он выбрал массивный хронограф, который выглядел так, словно его сняли с руки пилота истребителя. Цена была сравнима с месячной арендой его квартиры. Марк даже не поморщился. Деньги — это всего лишь бумага. Бумага, кото-

рая приходит каждое утро.

В следующие дни вошел во вкус. Рестораны, где он раньше боялся заглянуть в меню, стали его столовой. Друзья, почуявшие неладное, подтягивались ближе. Марк угощал всех. Закуски, горячее, десерты, коньяк двенадцатилетней выдержки. Он платил за такси, за вход в клубы, за бесконечные коктейли с пафосными названиями. Деньги таяли с невероятной скоростью, но это было не страшно. Завтра будет новая сотня. И послезавтра. И через год. И через десять лет.

Он быстро понял, что ста долларов в день недостаточно для той жизни, которую он заслуживает. Нет, трех тысяч в месяц хватает на еду и развлечения, но как быть с крупными покупками? Ждать? Копить? Это было не в его характере.

И тогда он открыл для себя кредиты.

Это было просто, как дыхание. Первым стал айфон — восемнадцатый про макс, на два терабайта памяти, хотя он даже не знал, чем забивать такой объем. Телефон только вышел, очередь за ним стояла с ночи, но Марк нашел салон, где оформляли рассрочку за пятнадцать минут по паспорту. Правда, процент оказался каким-то конским — что-то около двадцати пяти годовых, — но какая разница? Он же не собирается платить три года. Он закроет этот кредит через пару месяцев, максимум. В конце концов, у него стабильный доход.

Стабильный доход.

Ему нравилось это словосочетание. Он повторял его про себя, когда подписывал договор.

Следом пошли наушники с шумоподавлением. Он купил их в том же салоне связи, просто потому, что они красиво лежали на витрине и матово поблескивали. Продавец-консультант, молодая девушка с усталыми глазами, предложила оформить еще одну рассрочку. Марк согласился не глядя. Его подпись уже стала неразборчивой закорючкой, которую он ставил не думая.

Телевизор он взял огромный, во всю стену, хотя стена в его бабушкиной квартире была ободранной и вряд ли выдержала бы такой вес. Но это не имело значения — телевизор ведь можно повесить и в новой квартире. Идея переезда пришла к нему на третий день кутежа, когда он вернулся домой под утро, споткнулся о гору мусора в коридоре и чуть не разбил лицо.

«Я живу в свинарнике, — подумал он, разглядывая облупившийся потолок. — С тремя тысячами баксов в месяц. Это ненормально».

На следующий день он уже листал объявления об аренде. Ему нужна была не просто квартира — ему нужно было логово. Пентхаус. Студия в новом жилом комплексе с подземным паркингом, панорамными окнами, дизайнерским ремонтом и видом на город. Такие стоили от семидесяти тысяч в месяц, плюс коммуналка, плюс залог. Сумма выходила внушительная. У него не было таких денег прямо сейчас — все уходило

в дым, — но у него был стабильный доход. И банки, которые с радостью одобряли ему все новые и новые кредиты.

— Стабильный доход, — повторил он менеджеру банка по телефону, и голос его звучал почти величественно. — Три тысячи долларов ежемесячно. Пассивный доход. Понимаете? Я инвестор.

Менеджер, кажется, понимал. Во всяком случае, заявку на кредитную карту одобрили мгновенно. Потом еще одну. И еще один потребительский кредит на «неотложные нужды». Марк оформил его прямо в приложении, лежа на диване в съемной квартире, которую он пока что арендовал посуточно, присматриваясь к вариантам

Он чувствовал себя гением. Финансовым гением. Все вокруг работали, вкалывали с девяти до шести, мечтали о повышении зарплаты на десять процентов, копили на отпуск целый год. А он? Он просто просыпался. Коробка давала ему свободу, а свобода давала ему счастье.

Где-то на второй неделе ему позвонила мать. Спросила, как дела, как учеба. Марк соврал, что все отлично, закрыл сессию на пятерки. Ему не хотелось объяснять. Да и что тут объяснять? Что диплом ему не нужен? Что настоящая экономика — это не кривые спроса и предложения, а серебряная шкатулка с символами? Она не поймет. Никто не поймет.

Он стал замечать, что друзья изменились. Вернее, изменился их состав. Старые приятели, с которыми он пил пиво в общежитии, теперь казались ему скучными. Они говорили о

каких-то зачетах, о подработках, о долгах. Марк слушал их с легким презрением. Он платил за них, и они были благодарны, но в их глазах он читал не только благодарность. Там было что-то еще. Зависть? Недоумение? Осуждение?

Он отмахнулся от этих мыслей. Какая разница? Теперь у него другие друзья. Красивые девочки, которые смеются его шуткам. Парни с дорогими стрижками, которые хвалят его часы. Люди, которые не спрашивают, откуда деньги. Им это неважно.

Третья неделя ознаменовалась серьезным разговором с агентом по недвижимости. Квартира нашлась. Двухуровневая студия в башне на тридцатом этаже. Окна от пола до потолка, кухня с островком, душевая кабина с тропическим дождем, умный дом, консьерж внизу. Аренда — девяносто тысяч. Коммунальные услуги — еще десять-пятнадцать. Залог — три месяца вперед. Итого почти четыреста тысяч нужно было выложить здесь и сейчас. Таких денег у Марка, разумеется, не было. Но кредитный лимит по всем картам уже вырос до полумиллиона.

Он подписал договор аренды, не читая. Подмахнул еще одно кредитное соглашение. Внес платеж. Агент, пожилой мужчина в дорогом костюме, пожал ему руку с уважением.

— Поздравляю с новосельем. Редко вижу молодых людей, которые так уверенно стоят на ногах.

— Я просто знаю, как обращаться с деньгами, — ответил Марк, поправляя новые часы на запястье.

Вечером он стоял посреди пустой гулкой студии, смотрел на море городских огней внизу и чувствовал себя властелином мира. У него было все, о чем он мечтал. И даже больше. Впереди маячила бесконечная череда дней, наполненных удовольствиями. Денег хватит на все. Если не хватит — всегда можно взять еще один кредит.

Он не думал о том, что проценты капают каждый день. Не думал о том, что его ежемесячные платежи по кредитам уже превысили тысячу долларов, а ведь он еще даже не начал платить. Не думал о том, что Джинн во сне больше не появлялся — словно ждал чего-то, молча наблюдая из темноты.

Коробка исправно давала сотню каждое утро. И Марк тра-тил ее. Снова и снова. Снова и снова.

Где-то на исходе месяца, когда он доставал из шкатулки очередную купюру, ему на секунду показалось, что символы на крышке потускнели. Или просто свет так упал. Он покру-тил коробку в руках, пожал плечами и отправился завтракать в ресторан на крыше.

Его ждали великие дела. Вернее, их отсутствие.

Глава 5. Анна. Уроки Вавилона.

Первую неделю Анна просто копила.

Каждое утро она просыпалась на пятнадцать минут раньше обычного, пока Миша еще спал, и первым делом заглядывала в комод. Коробка стояла на месте, крышка была от-

крыта, внутри лежала новая купюра. Сто долларов. Хрустящая, настоящая, с неизменным портретом Франклина. Анна доставала ее осторожно, словно та могла рассыпаться в пальцах, и перекладывала в конверт, спрятанный в кулинарной книге на верхней полке. Кулинарной книгой она не пользовалась уже года три, так что место казалось надежным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.